

Пи, который классно ходит на шпильках

Рубрика — 1998 —
23-29 апр. — с. 12

Труппа "Л'Энконвьян де Бутюр", Париж

Оливье Пи был представлен российской театральной общественности как "новая яркая звезда и надежда французского театра". Уверенность же в том, что Пи — это нечто экстравагантное и модернистское, появилась после прочтения его пьесы "Лицо Орфея" (перевод заглавременно был выполнен Сергеем Бунтманом и издан в рамках программы "Пушкин" при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России как раз к показу одноименного спектакля на Чеховском фестивале).

Первое, что бросилось в глаза: для Пи характерно создание театрального действия из так называемых околотеатральных форм, "до-театра". Во всяком случае это оказалось так для двух представленных в Москве зрелищ — "Кабаре мисс Найф" и "Лицо Орфея" (труппа "Л'Энконвьян де Бутюр").

В первом случае, с "Мисс Найф", это просматривается особенно отчетливо — кабаре. Не спектакль в привычном понимании, но лоскутное одеяло, концертные номера. Не сюжет с героями, но песенки, великий на все

времена французский шансон.

Несколько сложнее определить жанр, к которому апеллирует Пи в "Лице Орфея", однако и он угадывается абсолютно точно при ближайшем рассмотрении — мистерия. В сущности, Пи показывает не что иное, как многократно отыгранное и описанное нашими предками путешествие в страну мертвых. Спектакль начинается с того, как за дверями скульптора Музея (Мишель Фо) стреляется некто Предтеча (Реджеп Митровица). После его смерти Орфей (Жан-Дамьен Барбен), некогда растерзанный вакханками, а ныне обитающий в качестве эдакого неразлагающегося трупа в мастерской Музея, оживает. Мертвецы отправляются в путь на погребальной повозке. По дороге в Ад они собирают других, подобных им.

Казалось бы, и в первом, и во втором случае "приманка" для зрителя выбрана абсолютно точно, бесприманно. В "Мисс Найф..." пришедших на спектакль не пичкают сложными сентенциями, а рассказывают за столики, предлагают вино и фрукты, заставляют побыть немножко актерами, поиграть в настоящее каба-

ре. В "Орфее" же их пытаются увлечь поиском великих истин о Жизни и Смерти, разгадками тайн древних Орфиков, в конечном итоге вовлекают в своеобразное таинство, должностующее быть притягательным священнодействием.

Однако...

На российской почве веселое кабаре подкосила закомплексованность наших соотечественников. И где уж было оценить ироничность и артистизм француз? Только после антракта, который актеры устроили специально для русских, зрители наконец пришли в более-менее соответствующее моменту расположение духа и во втором действии реагировали явно живее.

С "Лицом Орфея" случилась другая, однако весьма схожая по итогу история. Текст пьесы Оливье Пи оказался чрезвычайно сложным и запутанным. В связи с этим пребывание в зрительном зале людей, не владеющих французским языком, было весьма мучительно. На протяжении четырех часов они оказались обречены читать неразборчивые субтитры, которые высвечивались где-то по бокам сцены, преломляясь

на многочисленных ее выемках и рельефах. Кроме этого, спектаклю, изначально предназначавшемуся для совершенно иного, уникального пространства — почетного двора папского дворца в Авиньоне, достаточно традиционная площадка Театра Российской армии мистериальности и суггестивности явно не прибавила. В итоге претензия на священнодействие так и осталось лишь претензией.

У Пи как постановщика помимо тяги к "до-театру" обнаружилась и еще одна склонность — к театральности как таковой. Эта театральность нашла свое воплощение и в "высокой" форме, например, в растиражированном приеме "театр в театре" в "Орфее", когда спектакль буквально превратился в пасьянс из обрывков несуществующих пьес; и в пошловатой бульварной интерпретации, "театральщине", например, в перьях вульгарного кабаре, в повисшем гирляндой над Орфеем звездном небе.

Французскому театру ничего иного не удалось показать: в театре нам сыграли театр. Театр этот оказался соразмерен его творцу, в предельном выражении оказался самим творцом — Оливье Пи.

Не случайно самыми интересными эпизодами, действительно увлекательными и искренними были куски, когда на сцену выходил Пи. Не важно, был ли он кабаре-ной певичкой-трансвеститом в декольте с небритой грудью, или пикантным Паном, приплясывающим голышом. Его появление гарантировало оживление зала. К примеру, Пан, который появился как раз перед антрактом, просто-напросто спас положение, оказался в "Орфее" единственным веским аргументом, подвигшем зрителей после мучительных двух с половиной часов совершенно анемичного действия решиться еще на полтора вполне такой же каторги.

Что Оливье Пи удалось сделать в Москве, так это показать себя сразу во всех своих многочисленных ипостасях — режиссера, драматурга, актера, певца... Мы неплохо с ним познакомимся. Оказалось, он достаточно неординарен, безусловно, профессионален, любит публично раздвигаться и еще ... классно ходит на высоких шпильках.

Ольга ФЕДЕНКОВА